

Введение

В 2019 г. в соответствии с Глобальным индексом миролюбия¹, который рассчитывается в 163 государствах по 23 количественным и качественным параметрам (и при этом большое внимание уделяется участию государств в конфликтах и уровню террористической угрозы), у большинства стран показатели улучшились. Однако подобное оптимистическое заключение основывается на узкой трактовке самого понятия «конфликт». Профессор Лондонской школы экономики Мэри Калдор вводит понятие «новые войны» – конфликты, во время которых необязательно ведется вооруженная борьба и сторонами которых необязательно являются государства. «Новые войны» могут иметь глобальный, региональный и внутренний характер. М. Калдор полагает, что «новые войны» порождаются главным образом глобализацией; при этом одновременно с интенсификацией процесса глобализации возрастает значимость идентичности.

В XXI в. характер конфликтов в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе трансформировался, приобрел новые характеристики под влиянием сложно взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, изменений в социальной структуре

¹ *Global peace index 2019: Measuring peace in a complex world / Institute for economics and peace. – Sydney, 2019. – Mode of access: <https://reliefweb.int/report/world/global-peace-index-2019> (Date of access – 28.10.2019).*

государств, увеличившейся активности региональных и глобальных игроков. Возникает вопрос, насколько «новые конфликты» в Африке, на Ближнем Востоке и в Европе являются – с географической и культурной точек зрения – африканскими, ближневосточными и европейскими по своей природе? В какой степени на них влияет конфликтное противостояние глобальных игроков? Кто в ответе за эти «новые конфликты»?

В данном номере журнала опубликована статья А.М. Понамаревой, посвященная анализу особенностей современных конфликтов. Две статьи в журнале затрагивают тему конфликта на Украине: В.Н. Чернега и А.Н. Вавилов подробно разбирают причины (как внутреннего, так и внешнего характера), которые привели к вооруженному конфликту в этой стране, анализируют основные тенденции современного развития Украины и роль внешних акторов.

Для восстановления прочного мира необходимо разрешить конфликт таким образом, чтобы его урегулирование отвечало интересам всех заинтересованных сторон. Существует мнение, что, при прочих равных условиях, международная поддержка процесса миростроительства увеличивает его шансы на успех. В то же время известны случаи (их анализу посвящено большое количество научных работ), когда вмешательство международных игроков, поддерживавших одну из сторон конфликта, приводило к отрицательным результатам и лишь ухудшало ситуацию. Примеров успешного внешнего вмешательства значительно меньше. Так должны ли международные игроки вмешиваться в процесс миростроительства? Ведь характерные для 1990-х годов оптимистические оценки «либерального интервенционизма» стали поводом для серьезной критики, особенно после военного вмешательства Соединенных Штатов в Афганистане и Ираке.

Глобальные игроки, обычно выступающие посредниками в переговорах, заботятся о соблюдении своих интересов. Нередко используется один и тот же прием: в ходе многосторонних переговоров эти государства, принуждая конфликтующие стороны к прекращению огня или к мирным переговорам, обещают либо щедро спонсировать определенную сторону конфликта, либо пре-

кратить финансовую помощь – в зависимости от того, как позиции конфликтующих сторон соотносятся с интересами стран-посредников. Таким образом в зону конфликта вливаются большие финансовые средства. В условиях войны транспарентность и подотчетность всегда минимальны, процветает коррупция. На кону большие деньги, за них идет борьба. При этом страны-доноры обычно избегают долгосрочных контрактов, необходимых для обеспечения длительного и устойчивого мира.

Определенное внимание в научной литературе уделяется и другой форме вмешательства – предотвращению вооруженного конфликта. И в этом случае постоянно повторяется ситуация, когда свою мощь и влияние для урегулирования конфликта используют глобальные игроки – чаще всего Соединенные Штаты и другие великие державы. Тем не менее есть исключения: например, каталонский конфликт, протекающий под лозунгами регионального сепаратизма и тесно связанный с проблемой законности референдумов о независимости. Он пока не перешел в стадию вооруженной борьбы, но насильственные действия уже имеют место. В Каталонии (как и на Украине) первопричина проблем кроется в существующей модели территориально-политической организации государства, которую Мадрид (как и Киев) не готов менять. Страны Евросоюза самоустранились от участия в разрешении каталонского конфликта, не желая выступать в роли посредников. О внутренних обстоятельствах и международных условиях, сопутствующих развитию каталонского конфликта, говорится в статье С.М. Хенкина.

После окончания холодной войны, с завершением противостояния мировых сверхдержав, казалось бы, должна исчезнуть почва для роста напряженности. Однако новыми акторами мировой политики стали различного рода негосударственные вооруженные группировки: этнические, религиозные, террористические и повстанческие. Быстро адаптировавшись к новой международной ситуации, они начали получать поддержку от иностранных государств – не только в виде прямого финансирования, но и в форме поставок оружия, организации убежищ, тренировочных лагерей, представительств (офисов) за границей. Почему государства пре-

доставляют вооруженным группировкам ресурсы, несмотря на опасность побочных эффектов такой поддержки? Как эта поддержка трансформируется в государственную внешнеполитическую стратегию? Каким образом вооруженная группировка, которая официально не пользуется государственной поддержкой, все же оказывается в состоянии функционировать на территории данного государства и находиться под его юрисдикцией? Все эти и другие подобные вопросы возникают при анализе ситуации в Сирии.

Европейские государства по-разному выстраивают свою политику в отношении сирийского кризиса. В начале конфликта Франция и Великобритания, занявшие жесткую позицию по отношению к правительству Асада, были настроены на то, чтобы быстро положить конец конфликту путем военного вмешательства. К ним собирались присоединиться Дания, Италия, Испания и Бельгия. В другом лагере оказались Германия и Нидерланды, которые выступали за то, чтобы в разрешении конфликта более активную роль играл Совет Безопасности ООН, и стремились избежать какого-либо военного вмешательства. Показательно, что, когда в апреле 2018 г. три державы – Соединенные Штаты, Великобритания и Франция – нанесли ракетные удары по правительственным объектам Сирии, Германия в нападении не участвовала, но задним числом все-таки его одобрила. В статье Б.В. Долгова подробно рассматривается ход сирийского конфликта и разбираются позиции европейских государств, США, региональных игроков. В настоящее время ключевой иностранной державой, участвующей в сирийском конфликте, является Российская Федерация. А.В. Манойло анализирует усилия России по подавлению международного терроризма в сложных условиях гибридного конфликта в Сирии.

Период затяжных гражданских войн на африканском континенте, которые велись во время и после холодной войны, похоже, подходит к своему завершению. Однако сегодня конфликты в Африке приобретают новые черты. Если «старые» конфликты чаще всего имели этнический, трайбалистский характер, то в настоящее время более отчетливо проступает религиозный аспект идеологической составляющей африканских конфликтов. Можно ли указать временную точку, «водораздел», разделяющий «старые» и «новые»

африканские конфликты? Чисто условно – это 11 сентября 2001 г. Действительно, если во время холодной войны в отдельных частях африканского континента, например в Анголе и Южной Африке, велись «опосредованные» войны нерелигиозного характера, то современная международная политическая повестка породила «опосредованные» войны в Нигерии, Сомали и Мали с явственным религиозным компонентом. В статье Ф.О. Трунова анализируется деятельность ФРГ по обеспечению своего военно-политического присутствия в Мали, по содействию федерализации страны (решение проблемы туарегского сепаратизма) и борьбе с террористическими группировками.

Проблеме урегулирования затяжного конфликта в Афганистане посвящена работа О.Н. Новиковой. Как известно, талибы до сих пор не соглашаются на прямые переговоры с официальным правительством в Кабуле, поскольку считают его «марионеточным», но ведут переговоры с Соединенными Штатами. Американцы предусмотрительно не включили афганское движение Талибан в список террористических организаций (хотя туда входит движение Талибан Пакистана и афганский «филиал» ИГИЛ). Единственная причина, по которой американцы называют талибов не террористами, а повстанцами, имеет исключительно прагматический характер: назвав талибов террористами, они не смогли бы вести с ними переговоры. В настоящее время для американцев уже стоит вопрос не о том, как выиграть войну в Афганистане, а о том, как бы ее прекратить. Но компромисс найти очень сложно, в том числе и потому, что необходимо учитывать не только интересы США и талибов, но и влиятельных региональных держав и России, а также каким-то образом «вписать» в миротворческий процесс официальный Кабул. Последнее пока никак не удается.

Ситуация, сложившаяся в Афганистане, наглядно демонстрирует: чтобы разрешить конфликт, необходимо увязать интересы глобальных, локальных и региональных игроков; это необходимое, но недостаточное условие для разрешения любого международного конфликта. Как ни странно это звучит, ситуация должна зайти в тупик, чтобы, осознав это, стороны были вынуждены начать договариваться. Кроме того, должны быть обеспечены гарантии безо-

пасности для участников конфликта. Что же касается санкций и вооруженного давления, то эти меры воздействуют далеко не всегда и их результативность зависит от природы и особенностей каждого конкретного конфликта.

О.Н. Новикова